

МИФЫ КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Андрей Карнеев

СЮЖЕТ ГОДА: КИТАЙ

АНДРЕЙ КАРНЕЕВ — известный российский ученый-китаист, кандидат исторических наук, зам. директора Института стран Азии и Африки МГУ

Вряд ли можно сказать, что Китай был главным бенефициаром глобального кризиса. Разве что относительно других стран: на их фоне кризис принес Китаю меньший ущерб и, естественно, повысил мировой престиж и Китая, и так называемой китайской модели.

При этом, хотя используется слово «модель», вряд ли это можно считать образцом для других стран. Это следует воспринимать как тип развития, свойственный именно Китаю. Китай, кстати, никому его не навязывает — **мессианского стремления экспортировать свою модель у Китая нет**, хотя об этом пишут некоторые публицисты. Но обращает на себя внимание тот факт, что это словосочетание стало часто встречаться на страницах китайской печати в этом году. Китайские и гонконгские журналисты возвращаются к этой теме, чтобы показать, что Китай пострадал в меньшей степени не благодаря какому-то стечению обстоятельств, а благодаря тому, что он реализует свою, отличную от западных образцов, модель экономического и социального развития.

В каком-то смысле и японская, и корейская, и сингапурская модели содержали в себе

принципы, воспринятые от европейских стран, Соединенных Штатов, в разной степени сочетая это с особенностями своих стран. Но Китай в силу, во-первых, огромных масштабов страны и, во-вторых, в силу огромных цивилизационных отличий, естественно, превзошел все эти модели. Отличие Китая от Запада просто разительное. Если об отличии японской экономической модели от западной спорят узкие специалисты, то в отношении Китая это очевидно для всех. Отсюда и повышенный интерес к этому вопросу.

И суть дела не в гомогенности японского или корейского общества и в гетерогенности китайского, а в том, что **Китай — это целый материк**. О России тоже часто говорят как о материке. Но вопрос вот в чем: почему Россия в лице своих элит не стала стремиться отстаивать свою собственную модель? С самого начала экономических реформ Китай не предпринимал попыток перекодировать свое общество по чужому шаблону, он последовательно реализовывал свою собственную модель. А Россия попыталась перестроить себя под чужие шаблоны. Может быть, в этом и разница?

что позволило ему пойти по пути реформ. Для внешнего мира эти изменения кажутся не столь важными, но от китайского руководства требовалась большая решительность, чтобы пойти на эти шаги. Например, в свое время Дэн Сяопин просто взял и ушел в отставку, одновременно поставив условием, что и все другие лидеры его же поколения сделают то же самое. С тех пор и до сегодняшнего дня в Китае, начиная от центрального правительства и до руководства вузов, люди не сидят на руководящих должностях до семидесяти или до восьмидесяти лет, они рано уходят на пенсию. Это маленький пример, но он показал, что там были тоже серьезные политические перемены, на которые нужно было решиться.

Эффективность китайских преобразований была обусловлена тем, что в Китае одновременно сложились благоприятные внутренние и внешние факторы. С одной стороны, произошло серьезное ослабление партийно-политической системы: в результате событий «большого скачка» и «культурной революции» правящая элита разуверилась в ценностях господствующей идеологии. А с другой стороны, мир подошел к такой ситуации, когда сложились предпосылки начала процесса глоба-

С самого начала экономических реформ Китай не пытался перекодировать свое общество по чужому шаблону

Поверхностным я считаю и тот взгляд, что Китай, в отличие от России, не стал перестраивать свою политическую систему, задавшись целью перестроить экономическую систему. **Китай тоже очень серьезно изменил систему,**

лизации. Именно тогда мировая экономика была в состоянии востребовать огромные массы дешевой рабочей силы, которые в Китае как бы таились и не были задействованы. Секрет успеха именно в том, что эти два процесса заработали одновременно.

Поэтому вряд ли можно напрямую заимствовать опыт Китая в России. Хотя он и называется «моделью», фактически опыт уникален. Для России он может быть моделью только в одном смысле. **Это успешный опыт того, как можно спокойно пробовать разные варианты, а не механически пытаться найти самый успешный зарубежный образец и тут же бросаться его применять.** На этом пути, возможно, будут и ошибки и мучительные поиски, но в результате можно будет найти вариант, приемлемый именно для данной конкретной страны. Китай именно так и поступил. Как говорил Дэн Сяопин: когда переходишь реку — ошупывай ногами камни.

Китай сумел реализовать ту модель развития, где правящая элита может возглавить и организовать процесс модернизации.

И тут возникает вопрос: какая это модернизация — индустриальная или постиндустриальная? Но когда мы говорим об Амери-

ке, то как ответить на вопрос: это постиндустриальная страна или индустриальная? Там можно найти и то и другое. А есть и такие «внутренние карманы», которые больше напоминают страны третьего мира. В Китае экономика в подавляющем большинстве параметров демонстрирует индустриальный тип развития. Но есть и доиндустриальный тип. А приморские города — Шанхай и другие, их там около дюжины, — содержат и очаги постиндустриальной производственной модели.

Например, Китай сейчас один из лидеров в энергетике. Речь идет об энергии ветра, солнца, то есть о возобновляемых источниках энергии. И это видно просто невооруженным глазом: например, едешь по дороге и видишь, что светофоры питаются от солнечных батарей. И на крышах домов стоят солнечные батареи. Это пока еще не стало ведущим производственным укладом, но деньги в это направление вкладываются.

Или, например, в Китае активно работает компания BYD — один из лидеров по производству гибридных автомобилей. Кстати,

туда вложил 10 млрд долларов Уоррен Баффет.

Поэтому взгляд на Китай как на страну быстро развивающуюся, но находящуюся на предшествующем этапе развития (а значит, нам нечего тут изучать) во многом упрощает картину.

Мы, Россия, одновременно и опережаем Китай, и отстаем от него — в зависимости от того, что мы считаем критерием передового опыта или отсталости. Сказать, что соревноваться с Китаем вообще бессмысленно, тоже неправильно. Потому что это уникальный опыт, когда страна, не имеющая особых ресурсов, смогла нащупать свой путь и встроиться в глобализацию более успешно, чем многие страны Европы. Разве этот опыт мы не должны учитывать? А все разговоры о том, что нам тут не о чем разговаривать, мы заведомо впереди или где-то сбоку, — это упрощенный подход, которым грешат слишком многие, в том числе экономисты. ■

Специально для «Ярославской инициативы»

15–16 июня в Екатеринбурге прошел саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

По мнению некоторых экспертов, на этом саммите Китаю удалось не только подтвердить свою лидирующую роль в ШОС, но и заявить о своих претензиях на участие в решении проблем Каспийского региона. По завершении саммита ШОС в Екатеринбурге, состоялся первый в истории саммит государств группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) — неформального объединения четырех государств, которые, по оценкам банка «Goldman Sachs», к 2050 году по размерам своей экономики превысят суммарную экономику Большой семерки.

5 июля Китайские войска силой оружия подавили акции протеста в Синьцзяне.

На фоне финансового кризиса действия властей не вызвали серьезной реакции в мире.

15–18 ноября Китай с государственным визитом впервые после своего вступления в должность посетил президент США Барак Обама.

В ходе визита Обама заявил, что Соединенные Штаты не рассматривают Китай как угрозу и не станут препятствовать дальнейшему росту этой страны.

7 декабря в Пекине завершилось трехдневное Центральное

рабочее совещание по экономическим вопросам.

Его участники отметили, что Китай добился заметных экономических результатов в ликвидации последствий глобального финансового кризиса и сохранении стабильного и сравнительно быстрого развития национальной экономики.

14 декабря в присутствии главы КНР Ху Цзиньтао и президентов трех центральноазиатских республик (Туркмении, Казахстана и Узбекистана) был торжественно открыт газопровод Туркмения–Китай.

Это событие было расценено наблюдателями как удар по монополии России на транспортировку энергоресурсов в направлении Поднебесной.